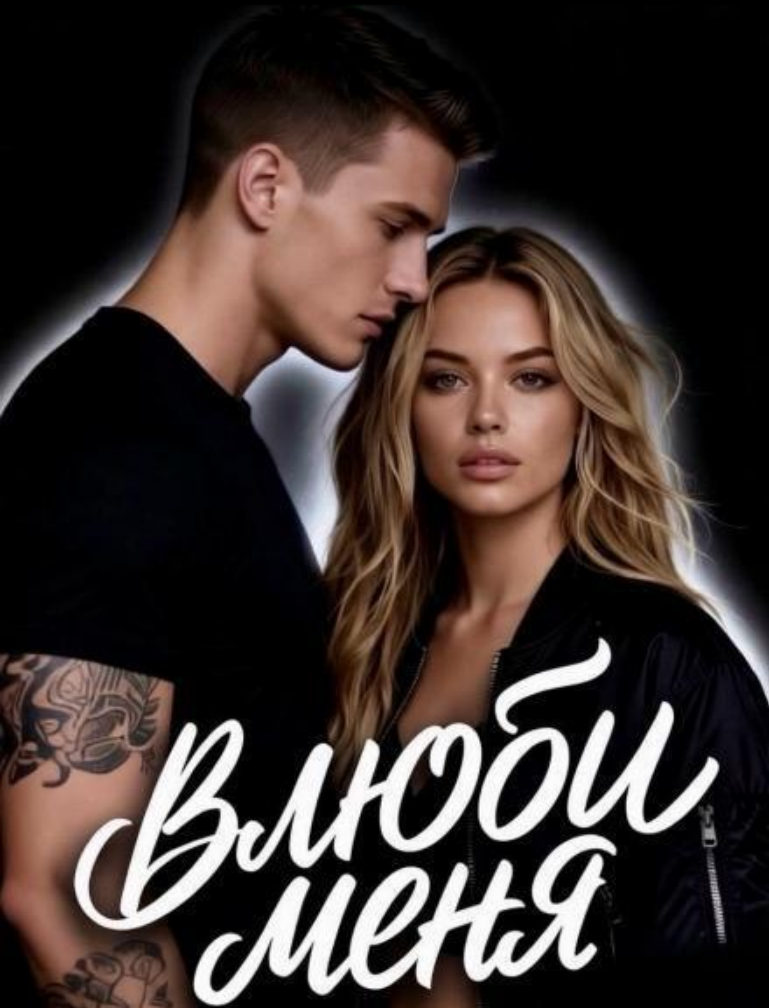

ДАРЬЯ БЕЖЕНАРЬ

Влюбил
меня

Дарья Беженарь

Влюби меня

<https://litres.ru/74668404>

Аннотация

— И в чём будет заключаться спор? — Покажи своё мастерство. Влюби меня в себя, — цежу, глядя ей в глаза. Смеётся, закинув голову. — Как говорит моя бывшая лучшая подруга... — бросает взгляд на Малику, — на изи. Протягиваю руку.

Мой план прост: заставить Киру проиграть. Она должна влюбить меня в себя за месяц — но я не поддамся. Годами она ставила на парней, играла их чувствами, а теперь я покажу ей, что такое настоящие эмоции.

История Малики и Вани:

История Давида и Кати:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	54
Глава 9	60
Глава 10	67
Визуалы	76
Глава 11	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

Тимур

Вечеринка в самом разгаре — музыка долбит так, что вибрирует сам воздух. Дава с Гариком уже вовсю зажигают с девчонками в бассейне: брызги от их бурной движухи летят во все стороны. Кто-то танцует, кто-то упивается у бара.

Я лежу на шезлонге, сжимая в руке бутылку «Джека», и наблюдаю за всем этим со стороны. Мне сейчас всё фиолетово. И нет, я не унылый дед, мне всего девятнадцать. Просто настроение — ниже нуля.

Всё началось с утра, когда я вывалил отчиму свою «радостную» новость: я остаюсь жить у Вани и в наш город больше не вернусь.

О том, что у меня есть родной брат, я узнал в начале лета. Мама решила поделиться этой информацией аккуратно после того, как узнала о смерти моего биологического отца. К тому моменту его уже полгода как не было в живых. И мне до боли жаль, что я так и не успел его узнать. По рассказам Вани — человек был достойный. Не мне судить маму, но её поступок до сих пор не укладывается у меня в голове. Ну и что, что у них там что-то не срослось? Я имел право знать!

Думал недолго: навёл справки о Ване — где живёт, чем дышит, — собрал вещи и рванул в незнакомый город. К человеку, которого видел впервые.

Контакт с братом налачился сразу — будто всю жизнь друг друга знали. Сначала планировал пожить до конца лета, но чем дольше общались, тем крепче прикипал к нему. Всю жизнь мечтал о брате — и вот он, рядом.

В итоге Ваня предложил переехать насовсем. Я и сам уже к этому клонил — последние дни только об этом и думал. Здесь — брат, его невеста Малика, которая стала почти сестрой, и Дава, мой лучший друг: он тоже перебрался сюда с родителями. Я уже успел перевестись в его универ, и с осени мы будем ещё и одногруппниками. Казалось бы, жизнь налаживается, всё складывается как нельзя лучше...

Но вот только в планы отчима это не входило.

Он владеет крупной инвестиционной компанией и давно решил, что я буду работать у него, а потом стану преемником. Я всё испортил. В ответ он лишил меня финансирования и заблокировал карты.

Ну, зашибись. Я-то привык не бедствовать, а теперь придётся пахать в автосервисе у брата. Не то чтобы я был против — тачки я обожаю и с удовольствием подрабатываю у него сейчас. Но это больше для души, а как основной источник дохода... как-то не очень.

В родном городе мы с Давой неплохо зарабатывали на гонках. Он и здесь этим занимается. Я тоже хочу — безумно. Но брат против. Считает, что это опасно.

Сегодня попросил у него «Челленджер» для дрег-рейсинга — получил твёрдый отказ. Вот и вторая причина хрено-

вого настроения.

Перед тем как отчим перекрыл финансовый кислород, я успел купить себе «Рав 4». Можно, конечно, продать его и взять что-то для гонок... Но за спиной у брата — нет. Больше всего не хочу его разочаровать. А уговорить его — задача не из лёгких. Даже Малика не смогла. А она умеет убеждать.

Лежу, смотрю на всю эту движуху и думаю: вот и накрутил себе проблем.

К бассейну идёт худой паренёк с двумя девчонками. Блин, где я их видел?

Гарик с Давой выпрыгивают из бассейна и подходят к ним, здороваются. А я всё пытаюсь их вспомнить.

— Тим, ты чё там затихарился? Иди к нам!

— Не-а. Сам иди.

Девчонки переводят внимание на меня. Блин, я так голову себе всю сломаю, пока вспомню их.

— Давай отрывай свой ленивый зад! — кричит Гарик.

Гарик — кореш Давы. Вижу его второй раз в жизни, но уже вроде как свой.

Встаю с шезлонга и иду к ним — любопытство берёт верх. Хочу наконец понять, кто эти девчонки.

Подхожу ближе.

— Тим, это мой двоюродный брат Илюха. Тим — друг Давы, — коротко представляет нас Гарик.

Пожимаем друг другу руки. Перевожу взгляд на девушек. Красивые обе. Одна — блондинка с очень яркой внешне-

стью, у второй — длинные розовые волосы и кукольное личико, прям сказочная фея какая-то.

— Кира, — говорит та, что блондинка.

— Моя девушка, — вставляет Илья, притягивая её к себе за талию. Она бросает на него странный взгляд, будто сама была не в курсе, что она его девушка.

— Я Катя, — фея протягивает мне тоненькую ручку.

— Приятно. Тим. Мы раньше не встречались?

Кира отрицательно качает головой:

— Впервые тебя вижу.

Блин, и имя какое-то знакомое... Кира.

— Да откуда ты их можешь знать? Ты же в городе без году неделя, — говорит Дава.

— Ну да...

— Ты не местный? — спрашивает Катя.

Отрицательно качаю головой.

— На время приехал? — уточняет она.

— Нет, навсегда. Но недавно.

Ну не может же меня глючить — я точно где-то видел их, причём всех троих.

— Идём к бару, выпьем что-нибудь, — брат Гарика подталкивает Киру. Она кивает, но бросает на меня короткий взгляд. Красивая девочка. Очень. А Илюша этот какой-то невнятный.

Гарик с Давой прыгают в бассейн бомбочками — к девчонкам, с которыми они зажигали. Я остаюсь вместе с Катей.

Надо что-то сказать, но ничего на ум не идёт. Пауза затягивается. Она переводит взгляд на мой шезлонг.

— О, «Джек», — улыбается. — Угостишь?

— Фея, что, пьёт виски? — скептически смотрю на неё.

— Если с колой, то пьёт.

— Сейчас сделаем.

Иду к бару, беру колу. Там Кира с Ильёй, и она снова бросает на меня взгляд — и тут же отводит. «Что, понравился? Детка, у тебя же парень вроде есть». Пробегаюсь глазами по её фигуре. Девочка огонь, конечно. Я бы не против с ней замутить. Но нет — Гарик нормальный пацан, не буду я лезть к девушке его брата.

Возвращаюсь к Кате. Она сидит на шезлонге и улыбается. Тоже красивая. И вроде как без парня — это интереснее.

Наливаю ей виски с колой и протягиваю бокал.

— Знаешь, ты мне кого-то напоминаешь, — говорит она. — Но кого — не могу понять.

— Ммм... Может, я главный герой твоих эротических снов? — отвечаю я с усмешкой.

Катя смеётся заливисто.

— Шутник от бога. Но я сейчас серьёзно.

— Вы мне тоже с подругой кажется знакомыми. Но вариантов, где я вас видел, у меня нет. Может, на гонках?

— Не-а, мы таким не интересуемся. — отвечает, слегка покачивая бокалом.

— Зря.

— А ты участвуешь?

— Раньше участвовал. Сейчас только болею и делаю ставки.

— Если бы ты участвовал, я бы посмотрела.

Ну вот, как камень скинула на больную мозоль.

— Как буду участвовать, обязательно приглашу, — подмигиваю ей.

— Наверное, тогда тебе мой номер нужно знать? — хитро улыбается Катя.

А девочка не промах. Достāju телефон.

— Диктуй.

Записываю номер... В этот момент на экране высвечивается фото Малики.

— Извини, — шепчу Кате.

Отвечаю на вызов.

— Внимательно.

— Тим, мы от моих едем домой, тебя забрать?

Было бы неплохо. Дом Давы находится за городом, в одном коттеджном посёлке с домом родителей Малики. Добираться на такси дороговато будет до нашего дома. Да, я пока живу вместе с Ваней и Маликой. Хотел снять квартиру, но сейчас я нищеврод — каждая копеечка на счету. На такси экономлю, какая там квартира... Бля, надо срочно покупать всё-таки тачку, чтобы зарабатывать на гонках.

— Да, подхватите, — отключаю вызов.

— Уезжаешь? — спрашивает Катя.

— Да, поеду. Брат с невестой тут рядом были, сейчас за-
скачат за мной.

— А брат с невестой в этом посёлке живут?

— Нет, тут родители её живут.

— Ясненько.

Разливаю нам остатки виски. К нам подходит Кира, са-
дится рядом с Катей на шезлонг. Парень её где-то потерялся.
Она стучается своим коктейлем с бокалом Кати.

— Привет, девушка Ильи, — смеётся Катя.

Кира тоже начинает смеяться. Над чем они угорают — не
пойму.

— Сама в шоке, — говорит Кира.

— Ни хрена не понял. Так ты девушка его или нет? —
спрашиваю я.

Кира смотрит на меня:

— В его мечтах, наверное.

И они снова начинают смеяться. А изначально ведь пока-
зались адекватными.

— Ладно, девчонки, рад был знакомству. Мне пора.

— Буду ждать приглашения на гонку, — говорит Катя.

— Эм... Да, как только — так сразу.

— Я сделаю ставку на тебя, — улыбается она.

— Договорились! — киваю я.

Иду к Даве, прощаюсь с ним. Подошедшему Илье просто
киваю и ухожу.

Но мысль о том, что я их знаю, никак не выходит из голо-

вы. Кира и Катя, Кира и Катя... Бля, это ранняя деменция, что ли? Хоть убей, не могу вспомнить, откуда.

Всех приветствую в новинке.

Не забывайте ставить ## книге и добавлять в ##библиотеку.

Спасибо! ##

Глава 2

Тимур

— Ну, Ванечка, ну, пожалуйста, — тянет Малика в очередной раз.

— Нет.

Я уже понял: Ваня не сдастся. На что она вообще надеется? Наивная...

— Ну, Ванечка... Ты же у меня самый лучший, — не унижается она. — И брата своего ты любишь, правда? А он гонки очень любит. Ну, дай ему шанс.

— Это опасно.

— Не опаснее, чем ездить по городу, — парирует Малика.

Я молчу. Он и так уже сто раз меня послал.

Малика садится к Ване на колени и что-то шепчет ему на ухо. Ваня сначала хмурится, потом улыбается. Встаёт и молча идёт в свою комнату. Малика подмигивает мне.

Через пару минут он возвращается — и бросает мне ключи от «Челленджера».

— Да ладно? Серьёзно? — не верю я. — Что ты ему там нашептала?

— Не твоё дело, — смеётся она. — Участвуешь только в дрег-рейсинге. Никаких петель на карьере. Это понятно? У меня брат один.

— Понятно, — киваю.

Охренеть. Вот это да. Я счастлив сейчас, как мальчишка.
Надо срочно сообщить Даве, что я в теме сегодня.

— Малика, ты лучшая! Люблю тебя!

В ответ она посылает мне воздушный поцелуй.

— Эй, потише с признаниями, — ворчит Ваня.

— Да как сестру же.

— Да мы поняли, — вздыхает он.

— Вааанечка, а мы поедем сегодня за Тима поболеть? —
подскакивает Малика.

— Конечно.

Вообще класс. У меня даже будет группа поддержки.

Убегаю в комнату, падаю на кровать, достаю телефон, набираю Даву.

— Братишка, я сегодня гоняю.

— Да ладно? На чём?

— На «Челленджере».

— Не пугай меня. Что ты сделал с Ваней?!

— Против Малики нет приёмов.

— Понял. Чьи-то яйца попали под каблук.

— Потише. Это мой брат, если что. Не надо трогать его яйца.

— Фу, придурок. Я и не собирался, — смеётся Дава. —
Ладно, тогда до встречи?

— До встречи.

Отключаю вызов. Вспоминаю, что обещал Кате позвать её, когда буду участвовать. У меня есть её номер. Только...

надо ли? Станные они, эти девчонки. Хоть и красивые. Ну, честно... даже не знаю. Наверное, всё-таки не буду. Мороз-нись лучше.

Я за рулём «Челленджера» — я крут! Окно открыто, музыка орёт на полную, басы долбят. Малика рядом пританцовывает на сиденье, вовсю отрывается. Ваня сзади бурчит, чтобы сделали тише, — но нам по барабану. Короче, кайфы-кайфули.

Подъезжаем. Куча тачек. Из окон — музыка на максимум. Паренёк с планшетом носится туда-сюда: принимает заявки на гонки, фиксирует ставки на победителя.

Вижу машину Давы.

— Ооо, Ваню, Малика! — Дава идёт навстречу с расставленными руками. — Какие люди!

Из соседней машины выходят Гарик, Илья... и Кира с Катей. Они смотрят на нас. Я киваю. Но ни одна из девчонок не отвечает. Лица бледные, глаза — круглые.

Чё такое? Обиделись? Или... что?

— Неожиданная встреча, — слышу сзади сухой, твёрдый голос Малики.

Девушки подходят. Я оглядываюсь на Малику — от неё прямо искрит. А что происходит? Мне хоть кто-нибудь скажет?

— Привет-привет, — здороваются Кира и Катя с ней.

— И чё? На кого сегодня ставим? — спрашивает Ваня, глядя на Киру.

— Что происходит? — поворачивается Дава к Малике.

— Мне тоже интересно, — хмурится Гарик.

— Тим, это Кира и Катя. Мои подруги. Бывшие, — говорит Малика, и в её голосе — арктический лёд.

Бляяя, точно... Во я тормоз! Как я сразу не вспомнил?! Малика же показывала их мне, когда мы в пробке стояли — как раз по их вине. Они тогда устроили ДТП. И Илья тоже был там.

— Так вы — те самые? Ставочницы? Любительницы влюблять в себя мужиков и спорить на бабки?

Смотрю на них. Малика со своими подружками в прошлом были любительницами делать ставки на парней — и доказывать друг другу, что смогут в себя влюбить. Потом кидали в общий чат аудио с их признаниями. Ваня как раз стал одной из таких ставок — пока Малика сама на этом не погорела и не влюбилась по-настоящему.

Я как раз в этот период появился в их жизни и, можно сказать, был непосредственным наблюдателем. Они тогда разругались: брат страдал, Малика тоже. Прикол в том, что, когда Малика поняла, что влюбилась, она захотела соскочить с игры. Но девчонки ей не дали — наоборот, удвоили ставки. А потом ещё и сделали этот спор достоянием всего класса на выпускном. Короче, мерзкая история.

Но Малика сто раз пожалела и всё осознала. А эти... И тут до меня доходит: так вот почему они так лыбились мне на вечеринке у Давы! Катя ещё сказала, что поставит на меня,

если позову её на гонку... Ах вы ж сучки!

— Да, — отвечает Кира, ни капли не смущаясь. — Мы. Они.

Дава стоит — охреневший. Гарик — тоже. Последний поворачивается к своему брату:

— Ты знал?

Кстати, да. Интересно. Если он её парень — может, и он тоже в пострадавших?

— Конечно знал. Вся школа знала, — отвечает Илья.

— И на тебя ставили? — спрашивает Гарик.

Девчонки смеются. Во дают. Отмороженные. Ещё и ржут. Даже не стыдно им.

— Кому он нужен? Ставить на него? — фыркает Кира. — И так как репей липнет.

Ох и сука же ты. Фу, такой быть.

Илья стоит — как обосранный. Молчит, будто хрен проглотил.

— Ты вообще как разговариваешь с ним? — спрашиваю, скривившись от отвращения. — Охрененная царица?

— А то, — бросает она. — Хочешь проверить?

— Давай проверим, — подхожу к ней вплотную.

— И как? — Подбородок вверх, вызов в глазах.

— А мы поспорим.

Все взгляды — на нас.

— Тим, не гони, — пытается влезть Ваня.

— И в чём будет заключаться спор?

— Покажи своё мастерство. Влюби меня в себя, — цежу, глядя ей в глаза.

Смеётся, закинув голову.

— Как говорит моя бывшая лучшая подруга... — она бросает взгляд на Малику, — на изи.

Протягиваю руку.

— Ну давай, изи, покажи, что умеешь.

— Не, дорогой, — цинично улыбается, — сначала оговорим условия. И что я получу, когда выиграю?

— А что хочешь?

Щурит глаза. Облизывает губы. Думает.

— Тачку твою.

— Слышишь, ты? — Ваня начинает закипать. — Совсем берега потеряла?!

— Стоп, — хватаю брата за руку. — Это не моя тачка, — говорю Кире. — Брата.

— А-а-а, — усмехается она, переводя взгляд на Ваню. — Так он ещё и брат твой? Тем веселее будет.

У Вани глаза полны ярости, желваки играют. Ну не будет же он бить девчонку... Хотя напрашивается, гадина.

— Давай на мою тачку, — выпаливаю, не давая себе времени передумать.

— А у тебя какая? — Кира скрещивает руки на груди, глядя на меня свысока. — «Девятка»?

— RAV4.

— Ладно, пойдёт, — кивает она, будто делает одолжение.

— Вот и рекрасно. Осталось решить, что отдашь мне ты. Я уверен в своей победе. Это ж надо быть идиотом, чтобы, зная, кто она такая, влюбиться.

— Мою тачку, — отвечает она таким спокойным тоном, будто спорим мы на пару кроссовок, а не на машины.

— Не гони, брат, — шепчет Гарик. — У неё же китаец!

— Ну, китаец тоже денег стоит, — пожимаю плечами. Хотя и копейки на вторичке, но деньги мне сейчас позарез нужны. Сразу квартиру сниму.

— Я согласен.

— Теперь условия, — говорит Кира. — Я должна влюбить тебя в себя. Так?

— Так, — киваю.

— Сроки?

— До конца лета.

— Месяц? А чего так много? Я и за пару недель уложусь, — скалится она, словно змея.

— Не думаю, — усмехаюсь. — Такой, как ты, и жизни не хватит, чтобы меня влюбить.

Она заливисто смеётся. Какая же мерзкая тварь...

— Ладно. Месяц.

— Тим, я согласен с Ваней. Ты ебанулся, — говорит Дава, ероша волосы.

А я хочу. Хочу стереть с её лица эту самоуверенную улыбочку. Отомщу за брата. За Малику. За всех тех пацанов, чьи сердца она разбила, не моргнув глазом.

— Погоди, а как я узнаю, что ты влюбился? — спрашивает она. — Ты же не признаешься специально, чтобы тачку свою не отдавать.

— Признаюсь, — отвечаю. — Не суди людей по себе. И потом... ты же опытная в этих делах. Разве сама не поймёшь?

— Пойму, конечно.

Тяну руку. Она — свою. Жмём.

— Малика, перебей, — просит Кира с хищной улыбкой.

— Бля, вот те делать не хуй, — бросает Гарик.

— Погодите, а моё мнение никого не волнует? — тихо спрашивает Илья.

— Как видишь — нет, — отвечает Кира.

Ох и дрянь. Ну, держись!

Глава 3

Тимур

Вчера я поднял денег на гонках — дважды пришёл первым. Но самое интересное начнётся сегодня.

Кира с подружкой вчера уехали, сразу же после моей первой победы. Неожиданно — я думал, она дожждётся меня до конца гонок и начнёт свою игру. Но это было бы слишком предсказуемо. А она не так она проста, как кажется. Это я уже тоже понял.

В голове не укладывается, как может такая красивая девчонка быть такой гнилой? Внешность, бабки, парни, подружки — у неё есть всё для счастливой жизни. Чего ж ты такая гадина, Кира?

Тем не менее, я в предвкушении. Очень интересно понаблюдать, как она будет бить копытцем, стараясь меня влюбить. Я-то в адеквате — а чтобы повестись на неё, зная всю правду, надо быть полным припизднем.

Интересно, что она будет делать, если я за этот месяц из дома ни разу не выйду? Смеюсь про себя. Под окном стоять? Или СМС с голыми сиськами слать? Хотя на второе я бы взглянул ради интереса — ну, чисто одним глазком. Там есть на что посмотреть, это и так понятно.

Но, конечно же, я не буду прятаться. Всё по-честному: пусть пляшет вокруг меня, а я буду наслаждаться своим три-

умфом по полной.

С кухни уже доносятся соблазнительные ароматы завтрака. Сто пудов, Малика уже колдует у плиты. Иду на запах.

Захожу — и вижу картину: мой брат зажимается со своей будущей женой. Целует её, она что-то хихикает ему на ухо. Мило. А я... какого-то хрена стою и пялюсь на них.

Не потому, что завидую. А потому, что вижу — как это выглядит, когда тебе готовят завтрак, ждут дома, любят по-настоящему. С теплом. Без игр. Без ставок. Без скрытых повесток. Это должно быть так круто...

— Кхм-кхм, — откашливаюсь.

Влюблённые отлипают друг от друга.

— О, Тимка, ты проснулся! Давай садись за стол, будем завтракать, — улыбается Малика.

Сажусь, подпираю подбородок кулаком.

— Вот скажи мне, Малика, где такие классные девчонки, как ты, водятся? Чтобы и любили, и завтраки готовили?

Малика смеётся, ставя передо мной тарелку с венскими вафлями.

— Таких больше нет. Мне достался эксклюзив, — говорит брат с улыбкой, глядя на Малику.

— Ой, да ладно вам. Нашли мне тоже хорошую и добрую. Вы же знаете, что я дрянь ещё та была, не лучше моих подругек. Просто любовь творит чудеса, — хихикает Малика, прикрывая рот рукой.

— Любовь... Да... Кстати, когда свадьба? Дату уже знае-

те?

— Да. Двенадцатого октября.

— Так и что, решили всё-таки в один день с Маратом праздновать?

Марат — лучший друг Вани и родной брат Малики. Он недавно тоже сделал предложение своей девушке. Их родители планируют устроить свадьбу в своих традициях — с размахом, на триста гостей. Было предложение отметить два торжества в один день.

— Ой, можно подумать, меня кто-то там спрашивал, — хмыкает Малика.

— А я вообще за. Марат и его семья для меня как родня. Поэтому считаю, что это крутое предложение, — отвечает Ваня.

Наливаю себе кофе, делаю глоток — горячий, крепкий, как раз такой, чтобы прогнать остатки утренней сонливости.

— Мальчики, я должна вам кое-что рассказать... — начинает Малика как-то загадочно.

— Я стану дядей? — перебиваю я.

— Тим, блин, нет, конечно! — фыркает, шлепая меня по руке. — Я про Киру хотела поговорить.

Ну-у-у, блин, а так же хорошо всё начиналось... Только думать о ней перестал.

— Не хочу про неё, — хмурится брат. — Меня после вчерашнего до сих пор бомбит. Полоумный, бля, тачку свою поставил...

— А я что, такой лох, по-твоему, поведусь на неё и проиграю? — хмыкаю я. — Я специально это всё затеял. Может, хоть после такого облома у неё мозги на место встанут и совесть появится.

— Сомневаюсь, — бурчит Ваня.

— Вот именно об этом и хотела поговорить, — настаивает Малика. — Дайте мне пять минут и не перебивайте.

— Мы — само внимание, — складываю руки на столе.

— Я повторюсь. Но не надо идеализировать меня и делать Киру исчадием ада, — говорит она.

Хмыкаю. Можно подумать, это не так.

— Вы должны кое-что знать. То, что я вам раньше не рассказывала. Потому что это не моя история, но, думаю, рассказать всё-таки надо, чтобы прояснить общую картину.

— Малика, не пугай нас, — просит Ваня.

— Короче... — она откладывает вилку. — В девятом классе Кира влюбилась в старшеклассника. Прямо по-настоящему. Говорила только о нём. Не упускала ни единой возможности оказаться рядом, попасться ему на глаза.

А он... не отталкивал. Общался. Давал надежду. Улыбался, когда она рядом. Будто специально держал на расстоянии вытянутой руки — достаточно близко, чтобы она верила, но недостаточно, чтобы быть уверенной.

Потом, на новогодней вечеринке, пригласил на танец. Поцеловал. Она в тот вечер светилась от счастья — я её такой никогда не видела. Все смотрели на них, а она будто в своём

мире, где только он и она.

После вечеринки он провёл её домой. И она... рассказала ему о том, что давно в него влюблена.

Малика замолкает на секунду.

— На следующий день мы узнали, что он поспорил с одноклассниками. На то, что она будет бегать за ним и признается в своих чувствах. И он... записал её признание на диктофон.

Тишина накрывает стол. Мы с Ваней переглядываемся. Глаза — как у оленей в свете фар.

— Его друзья... и все, кто были в курсе спора, начали смеяться над ней, — продолжает Малика. — Кто-то переслал запись в школьный чат. Кира... была раздавлена. Собиралась перевестись в другую школу. Говорила, что не может там оставаться.

Ваня шумно выдыхает. Я ловлю себя на том, что стиснул зубы.

— А мы с Катей... — Малика смотрит в стол, — придумали свой вариант решения проблемы. Ставки. Влюблять тех, кому было слишком весело. Записывать их признания. Мстить.

— То есть... вы решили ответить той же монетой? — уточняю я.

Малика кивает:

— Сначала это казалось справедливым. Мы хотели, чтобы они почувствовали то же самое: унижение, стыд, боль.

Чтобы поняли, каково это — когда твоё самое сокровенное превращают в шутку.

— Но потом? — тихо спрашивает Ваня.

— Потом... — она поднимает глаза, — потом это стало игрой. А позже — привычкой. Мы втянулись. Забыли, зачем всё это начинали. Просто продолжали делать ставки, влюблять, записывать. Это стало... своеобразным способом защититься. Броней. Как будто если ты первым ударишь — не так больно будет, когда ударят тебя.

— Охренеть, — Ваня качает головой. — То есть из-за одного уёбка — столько разбитых сердец?

— Получается, да. Мы хотели восстановить справедливость, а в итоге стали такими же, — тихо говорит Малика.

В целом, пазл собрался. Теперь хоть понятно, что и кто заставил её стать такой. Но смысла это не меняет.

— В любом случае, их кто-то должен тормознуть. Ты же видишь, что они творят, — говорю я.

— Вижу, конечно, — кивает Малика. — Но не забывайте, что если бы они меня не подбили, Вань, поспорить на тебя, я бы ещё сто лет мимо тебя ходила и не замечала. Так дальше и думала бы, что ты неотесанный чурбан. А ты, по факту, милый мишка.

— Хуишка, — бурчит Ваня исподлобья. — Тебя как послушать, так одни белые и пушистые. Не забывай про общий чат класса, где делали ставки на нас за твоей спиной — в том числе.

— Да, знаю я всё. Заигрались девчонки. И тормознуть их надо. Я согласна с Тимом. Только вот меня тормознула любовь. Им бы влюбиться — и они бы и так остановились, мне кажется.

— Не факт... Вон есть же Ильюша у Киры — чем тебе не кандидат?

— Бля, смешно, — хмыкает Ваня.

— Я к тому, Тим, — поворачивается ко мне Малика, — игры играми, но не заигрывайся. Не делай ей больно. Иначе чем ты тогда будешь отличаться от них самих?

— А это уже как получится, извини.

История Малики и Вани: <https://litnet.com/shrt/l7w9>

Глава 4

Тимур

Три дня тишины. Три дня я жду, пока она сделает ход. Но она не появляется у меня под дверью, не звонит и не пишет. Номер-то мой она сто процентов у Кати взяла. И да, я знаю, что это её тактика. «Ближе-дальше», «разрывай шаблоны» — бла-бла-бла. Весь этот психологический цирк.. Но, блин, приколы в том, что это работает: она не даёт о себе знать, а я жду каждый день, когда же она начнёт свою игру. Мне интересно.

— Тим, можно взять твою машину? — спрашивает Малика, заглядывая в мою комнату.

— А ты куда собралась?

— В магазин за продуктами.

— А Ваня где?

— Он на работу поехал там что-то срочное.

— Ладно, поехали, я тебя отвезу.

— Поехали. Я уже готова.

Выезжая из дома, вспоминаю, что вчера забыл заправиться — бак практически на нуле.

— На заправку заскочим.

— Мхм. Возьмёшь мне латте?

— Конечно.

Пока заправщик заправляет машину, захожу расплатить-

ся за бензин, заказываю два латте. Надо взять какое-то печенье — погрызть под кофе. Прохожу к стеллажам, разглядываю коробки. Зависаю на пару секунд, выбирая.

Неожиданно мои глаза накрывают руки. Резкий, но мягкий жест — не хватает силы для грубой шутки, зато есть доля игривости. Первый порыв — заехать с локтя в живот, но руки явно женские. «Малика, что ли, прикалывается? Трогаю запястья своими руками — да, женские. Но духи не Малики: она всегда душится какими-то сладкими, приторными, а здесь что-то цветочно-цитрусовое, свежее, с лёгкой горчинкой.

— Привет, — шёпот у уха. От голоса — низкого, чуть хрипловатого — у меня мурашки по спине.

— Прикольные духи, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё подпрыгнуло.

— Заправляешь мою будущую машинку? Правильно делаешь, относишься к ней бережно, Ти-мур...

Сучка, как она это делает? Прямо мурчит и завораживает. Ведьма, блин. Ловлю себя на том, что улыбаюсь — против воли, вопреки всему, что я о ней думаю. Руки пропадают с моего лица так же внезапно, как и появились. Оборачиваюсь к ней, чтобы сказать пару колкостей, — но её нет. Блять.

Оглядываюсь. Обхожу стеллажи — нет. Заглядываю за угол, где стоят холодильники с напитками, — пусто. Что за хрень?

Она была здесь? Или это игра воображения? Может, я

слишком много думаю о ней?

Подхожу к кассе, стараясь выглядеть невозмутимо. Кассир — парень лет двадцати с пирсингом в брови — протирает витрину.

— Девчонка, блондинка с длинными волосами, только что выходила отсюда?

— Ага, — кивает он, улыбается. — Ещё и подмигнула на прощание. Сказала: «Передай Ти-муру, что он слишком предсказуем».

Заебись. Три дня ни слуху ни духу. Появляется неожиданно и так же исчезает. Следит за мной? Ну-ну. Очень интересно, что будет дальше. Губы снова растягиваются в улыбке.

Возвращаюсь к машине. Малика уже сидит на пассажирском, листает что-то в телефоне.

— Ты чего такой взъерошенный? — поднимает бровь.

— Да так, — отмахиваюсь.

Беру стакан, делаю глоток. Латте тёплый, сладкий, но во рту всё равно остаётся привкус её духов.

— Ты Киру видела?

— Ну да, на дрег-рейсинге.

Значит прошмыгнула мимо нее.

— Понятно.

— А что? — Малика откладывает телефон, смотрит на меня внимательно.

— Слушай, а поведай мне про ваши методы и какие-то особенные фишки.

— Да не было никаких методов. Нам же была интересна не столько победа, сколько сама игра. И каждый раз по одним и тем же лекалам было бы неинтересно.

— Погоди, — торможу я. — То есть у вас не было какого-то чёткого плана? Типа: шаг первый — флирт, шаг второй — намёк, шаг третий — признание?

— Да нет, конечно! — смеётся. — Где бы мы столько сценариев набрались? Всё спонтанно. Главное — поймать момент, когда парень уже на крючке, а потом... бах — и ты меняешь правила.

— Бах, — повторяю я. — И всё, он в пролёте.

— Ну, в общем, да.

Не столько победа, сколько сама игра...

Запускаю двигатель, выезжаем с заправки. Постукиваю по рулю большим пальцем. Начинаю чувствовать себя жертвой охотника — когда не знаешь, в какой момент на тебя нападут. А мне это не подходит. Я тоже хочу поиграть.

Останавливаемся возле супермаркета.

— А Расскажи-ка ещё, чем Киру так зацепил тогда тот парень, в которого она влюбилась? — поворачиваюсь к Малике.

— Блин, да даже не знаю, — пожимает плечами. — Скорее всего, тем, что он единственный не бегал за ней, вывалив язык. Он вроде и улыбался ей, общался, но и не подпускал близко.

— Ясно, — киваю я, задумчиво.

В супермаркете беру тележку. Малика идёт рядом, берёт связку бананов и кидает в тележку.

— Тим, можно вопрос? — осторожно спрашивает она.

— Конечно.

— Если бы ты не знал про её ставки и игры... Просто увидел бы её где-то — в клубе, в универе, в компании. Она бы тебя заинтересовала как девушка?

— Ты хочешь спросить, нравится ли она мне внешне?

— Ну да.

— Да. Она красивая, — отвечаю я без запинки.

— Ясно, — с горечью в голосе выдыхает Малика.

— Что тебе ясно?

— Мне кажется... Только не обижайся, но я боюсь, что ты проиграешь. И тут дело даже не в машине, а в том, как ты потом будешь собирать своё сердце по осколкам.

Смеюсь, запрокинув голову:

— Малика, не прикалывайся. То, что она объективно красивая, ни о чём не говорит. Катя тоже красивая, ты красивая, блин, Яся у твоего брата — красивая. Да куча красивых девушек вокруг. Но мы же влюбляемся не в это.

Малика молчит, смотрит в сторону.

— Ты считала Ваню красивым? — продолжаю я. — Нет. Сама говорила, что он не был в твоём вкусе. Тебе нравились ухоженные мальчишки-мажорчики, а влюбилась в обычного парня — друга брата, которого ты знала с детства и который к тому же старше тебя. Причём здесь внешность? Ваня счи-

тал тебя красивой, но поверхностной и избалованной.

— Правильно считал, — тихо отвечает Малика.

— Но узнал тебя с другой стороны, и именно этим ты его и зацепила. Заботой, умением слушать, добротой. Вы сломали шаблоны друг друга.

— Так вот и я о том же... — начинает Малика.

— О чём? — перебиваю я. — Кира — гнилая насквозь. Во что там можно влюбиться?

— Ох, Тим... — Малика смотрит мне прямо в глаза. — Я ведь тоже была гнилая насквозь.

— Малика, харе. Тормози, — хмурюсь я. — Никто в неё влюбляться не собирается. Просто поиграем, заберу её тачку — и на этом всё.

На секунду повисает тишина. Малика берёт с полки упаковку печенья, кладёт в тележку, потом поднимает взгляд:

— Знаешь, что самое опасное в таких играх? — говорит она тихо. — Что ты уже думаешь о ней. Ты хочешь понять её. Разобраться. И это значит, что игра уже началась.

Я молчу. Она права. Я слишком много думаю о Кире.

Вечером, после ужина с братом и Маликой, ухожу к себе в комнату. Открываю окно, сажусь на подоконник, закуриваю, выпуская дым в синеву наступающих сумерек. Телефон пиликает сообщением. Беру его в руки. На экране — незнакомый номер:

"Тимур, мне срочно нужна твоя помощь."

Дорогие читатели!

9 и 10 сентября у меня проходит распродажа — все мои книги можно приобрести с большой скидкой. Выбирайте в библиотеке то, что вам по душе.

Список книг доступен по ссылке: <https://litnet.com/shrt/Y97t>

Глава 5

Тимур

"Тимур, мне срочно нужна твоя помощь".

Замираю с сигаретой в руке.

Полным именем меня называет только мама и отчим — и это явно не они. Очевидно, что это она. На заправке она тоже назвала меня Тимуром.

Хмыкаю. Очень смешно. Она реально считает меня настолько тупым? Думает, я поведусь на эту дешёвку? Откидываю телефон на тумбочку, падаю на кровать, включаю кинчик на плазме. Так, что там? В мусорном баке нашли чемодан, из которого торчит женская рука. Ага, интересно...

Звук ещё одной СМС. Даже не дёргаюсь — фильм реально затягивающий. Приезжает полиция... Блять. А если у неё и правда беда какая-то? Та ну, не ведись. Но пальцы зудят открыть сообщение. Чисто ради интереса — что она там ещё придумала?

Открываю. В сообщении — просто адрес. Один чёртов адрес. Вбиваю его в Яндекс Карты. Ресторан. Как банально. Кто ещё из нас предсказуем? Понимаю, что кино уже просто фон. Ну в конце концов, если и правда у неё какая-то проблема — с хера ли я ей помощник? Друзья, подруги, родители

ли. Но точно не я. Верчу телефон в руках. Звоню по номеру, с которого пришло сообщение, — гудки идут, но никто не отвечает.

А если она была в ресторане, и какой-нибудь брошенный ей олух собирается её сейчас убить в туалете? Детективы, блин, меньше смотри. Маньяки не оставляют телефоны своим жертвам. А что, если это неопытный маньяк, начинающий? Блаяаять...

Подсказываю с кровати, подхожу к шкафу, натягиваю джинсы. Понимаю, что это замануха. Но любопытство берёт верх — что она там придумала? Выхожу из дома, прыгаю в тачку, еду по адресу.

Захожу в ресторан. Осматриваю столики — её нигде не вижу. Ко мне подходит девушка в униформе:

— Здравствуйте. Вы бронировали столик?

— Эм... Я Тимур, — выдаю я.

Девушка смотрит на меня вопросительно.

— Мне ничего не передавали?

Она кидает взгляд на охранника. Испугал, наверное. Ладно, значит, не передавали. Понял. Выхожу из ресторана к машине.

Дебил, блять. Повелся.

Сажусь в машину. Слышу стук в окно — аж подпрыгиваю на сидухе. Охранник. Че ему надо? Опускаю стекло. Он протягивает мне конверт и молча уходит. Открываю — внутри бумажка с адресом. Серьёзно, бля?

Езжай домой, придурок. НЕ ведись! Но пальцы сами уже вбивают в телефоне новый адрес. Что это? Склады какие-то? Другой конец города. Та ну нахуй. Еду в сторону дома. А если она сидит там сейчас одна на складе? А если этот конверт не от неё, а от маньяка? Блять... Разворачиваюсь, еду по адресу.

Промзона. Мрачная, пустая, фонари мигают через один. И где здесь её искать? Нельзя было по дороге что ли хлебных крошек раскидать. Дёргаю ворота первого склада — закрыто, ну конечно же. Нет здесь её. Достая сигарету из пачки, прикуриваю. Вижу слева возле одного из складов горит свет, и мужик стоит какой-то. Иду к нему.

— Добрый вечер.

— Добрый.

Выдыхаю.

— Я Тимур.

— А я Василий. Тебе чего?

— Мне ничего не просили передать?

Мужик тушит сигарету в банке, сплёвывает.

— Заебали наркоманы малолетние, — бурчит и уходит.

Ладно. На телефон падает очередная СМС. Открываю. Вместо адреса — эмодзи, ребус:

$$\#\# + \#\# = 3$$

Луна плюс лиса равно три?

Истериčno смеюсь. Серьёзно? Детские загадки? Ломаю голову пару минут. Луна, лиса, плюс три... «Лунная улица, дом 3?» Или... Лиса плюс три = «лисатри»? Бред. Ищу в картах улицу, связанную с луной. «Лун...» — высвечивается: улица Лунева. Есть такая. Дом 3. Есть. Ладно. Меня бомбит от злости, но я еду. Не знаю, что сделаю с ней, когда найду.

Приезжаю по адресу — это консерватория. Она что, блять, петь мне сейчас будет или на тромбоне играть? Скорее на моих нервах. Подхожу к двери — закрыта. Стучу — никто не выходит. Заглядываю в окна — темно. В сотый раз за вечер понимаю, что я долбоёб, что ведусь на всю эту хуету. Подхожу к машине, сажусь на капот, подкуриваю.

Луна, лиса, три. Ладно, мне нужен звонок другу. Дава отвечает не сразу.

— Здорово!

— Здорово. Слушай, помощь нужна твоя. Луна плюс лиса равно три.

— Лес плюс олень плюс страна?

— Ты о чём?

— А ты о чём? Я думал, мы играем в «угадай песню по ребусу». Я загадал «Лесной олень».

Угораю. В натуре, блин, я олень.

— Я понимаю, что это ржачно. Но мне не песню по ребусу надо отгадать, а адрес.

— А ты где сейчас?

— Под консерваторией.

Слышу смешок, потом заливистый гогот, до хрюканья. Жду, пока друга отпустит.

— Погоди. Ты серьёзно сейчас?

Молчу.

— То есть ты в десять часов вечера в субботу едешь по городу, разгадывая ребусы? — пауза. — Я понял. Грибы у вас во дворе таки были не шампиньоны.

— Блять, Дава! Луна плюс лиса равно три. Думай и не беси меня. Я и так уже на пределе своих возможностей.

— Ту-тут-ту, — думает. — Луна, лиса, три... Луна, говоришь? Погоди, кажется, есть идея.

— Ну? — не выдерживаю я.

— В городе есть клуб «Луна». Адрес только что проверил — как раз подходящий. Лисий переулок, 3.

— Уффф. Спасибо, братишка. Если что, ещё наберу.

— Ладно, набирай. Только я тогда в доле?

— В какой доле?

— Ну ты же на бабки играешь? Типа квест по городу. Кто первый придёт — тот получит приз.

— Нет. У меня другой квест. Найди одну змею и придуши её.

— Всё-таки ел грибы, да?

— Так, всё, спасибо ещё раз.

Отключаюсь. Вбиваю адрес в навигатор. «Через 15 минут». Отлично. Она там? Или это очередной этап её чёртовой игры?

Подъезжаю к клубу. Возле входа стоит охранник — массивный, в чёрной форме, руки скрещены на груди. Выхожу из машины, подхожу ближе.

— Здравствуйте, — киваю ему.

— Добрый вечер, — отвечает он, сканируя меня взглядом.

— Вам случайно ничего не передавали для Тимура?

Глава 6

Тимур

— Нет, — коротко бросает охранник.

Ладно. Захожу внутрь.

Клуб встречает меня гулом басов, миганием неоновых огней и запахом алкоголя с парфюмом. Дым, цветные лучи прожекторов, толпа на танцполе.

И что теперь? Мне её тут искать? Или мне снова кто-то передаст очередной адрес? Или ждать СМС?»

Сажусь за барную стойку, заказываю газировку, хотя с удовольствием сейчас бы вискаря дернул. Оглядываюсь по сторонам. Может, это всё-таки конечный пункт?

О! Новенькая СМС. Ну-ну. Отсюда я уже точно поеду только домой.

Открываю в ожидании очередного ребуса или адреса. Но это фото. Селфи. Кира. Но волосы чёрные. В парике, что ли?

Значит, она здесь и в чёрном парике? — мозг лихорадочно обрабатывает информацию. — Это усложняет задачу. Брюнеток тут тьма целая.

О, вот она! На танцполе. Точно: и фигура её, и волосы чёрные, длинные. Ну, держись! — сжимаю кулаки. Подлетаю, хватаю за руку.

Девушка резко оборачивается. Перепуганная, глаза круглые.

— Упс. Прости. Обознался, — выдавливаю улыбку.

Она бросает на меня недоверчивый взгляд и уходит в толпу.

Это она сейчас типа наблюдает, да? И ржёт с меня, имбецила.

Новая СМС. Устало тру глаза. Открываю.

Снова фото. Ноги? Фото ног. Не, ну охуенные ноги, я же не спорю. Но как мне это должно помочь?

На ногах — золотые босоножки. И чё? Мне искать брюнетку с длинными ногами и в золотых босоножках?

Оглядываюсь. Брюнеток много. Босоножек золотых — штук пять вижу сразу. Да она издевается! — стискиваю зубы.

Достаю телефон, увеличиваю фото. Внимательно разглядываю: узор на ремешке, форма каблука... Стоп. На заднем плане — часть дивана. Бордовый, с бархатной обивкой. Здесь, внизу, таких диванов не вижу. Поднимаю глаза на второй этаж. Может, там?

Пробираюсь сквозь толпу, поднимаюсь по лестнице. Здесь тише, освещение приглушённое, воздух пахнет дорогим парфюмом и сигарами. Оглядываюсь: здесь таких диванов несколько. И везде сидят люди.

Стоп — в углу такой пустой столик и диван, как на фото. Подхожу. На столе лежит конверт.

Устало смеясь, открываю конверт. Но там чистый лист. Кручу его со всех сторон. Опять наебала?

Меня, может, уже глючит, конечно. Но я чувствую аромат

её духов — тот самый, цветочно-цитрусовый, с горчинкой.
— Привет, Ти-мур!

Обворачиваюсь резко. Стоит, сучка, лыбится. В чёрном парике. На ней белый костюм: жилетка и шортики. Бесконечные ноги и золотые босоножки — те самые.

И что мне с ней делать сейчас? Бить же я её не буду. Или буду? Кулаки непроизвольно сжимаются, но я заставляю себя расслабиться.

Только сейчас осознаю, что смысл всей этой игры был в том, чтобы раскачать меня на эмоции. И она раскачала, естественно. Да меня просто бомбит. Но я ей этого не покажу.

Молча разворачиваюсь. Спускаюсь по ступенькам на первый этаж. Вылетаю из клуба. В очередной раз достаю сигарету, щёлкаю зажигалкой. Пламя дрожит в моих пальцах. Глубоко затягиваюсь, выпускаю дым.

— Ну ладно тебе, не злись, — раздаётся голос сзади.

Оборачиваюсь. Что за привычка подкрадываться сзади? Смотрю на неё молча, прищурившись.

Она подходит ко мне, берёт из моих пальцев сигарету, затягивается. Отдаёт обратно, оставив на фильтре след ярко-красной помады. Морщусь, иду к урне, тушу и выкидываю.

— Ну согласишься, весело же было? — улыбается она.

— Нет.

— Жаль, а я старалась, — вздыхает Кира, но глаза её смеются.

— Ага. Пока разгадывал ребус, прям влюбился, — саркастично бросаю я.

— Ну сам посуди, — она делает шаг ближе, — если бы я позвонила и прямо пригласила тебя пообщаться в ресторан или клуб, ты бы согласился?

— Нет, конечно.

— Но сейчас со мной общаешься, — победно констатирует она.

— Зачем столько заморочек? — я повышаю голос. — После сообщения о том, что тебе нужна помощь, я приехал в ресторан. Там могли бы и пообщаться. Зачем было продолжать весь этот цирк? Кстати, знаешь же притчу о мальчике-пастушке, который кричал: «Волки! Помогите!»? Когда тебе реально понадобится помощь, я больше не поведусь.

— Поведешься, — уверенно говорит она, глядя мне прямо в глаза. — Ты добрый, отзывчивый, сопереживающий, не терпишь несправедливости. Заступился за Илью на гонках, решил проучить меня за то, что из-за меня, негодяйки, столько парней пострадало. Ты не бросишь человека в беде, тем более девушку, даже такую, как я.

Она делает паузу, изучает мою реакцию.

— Если бы я просто ждала тебя в ресторане, ты бы не стал со мной общаться, развернулся бы и уехал. Но я продолжила игру, а ты азартный, любишь эмоции и адреналин. Иначе бы не фанател от тачек и гонок. А ещё ты любишь загадки. Иначе бы не стоял сейчас здесь и не продолжал меня слушать.

Я молчу, стискивая зубы.

— Дальше что? — спрашиваю холодно. — Как я после этого должен в тебя влюбиться?

— Ты считаешь меня красивой, я тебя привлекаю, — она чуть наклоняет голову, её голос становится тише. — Иначе, общаясь с Катей дома у Давида, ты бы не искал меня глазами и не рассматривал украдкой. Тем более я ведь типа с парнем была. А ты же очень правильный, чужие девушки не интересуют. Значит, действительно понравилась.

Кира делает ещё шаг, теперь между нами буквально пара сантиметров.

— Но я ведь ставочница, глупая, пустая, избалованная, могу только ресницами хлопать. Что от меня ждать? После гонки, поспорив со мной, ты был уверен, что я останусь, дождусь окончания и тут же начну охмурять тебя. Но я уехала. Ты начал думать: почему же я уехала? Но ладно, уехала и уехала. На следующий день ты был уверен, что я начну тебе писать и звонить, под работой караулить. Но я не позволила и не написала. Целых три дня ты ждал моего звонка или СМС. Встреча на заправке. Эмоция. Интрига. И вот ты уже летишь меня «спасать» после моего сообщения вечером в субботу.

Она чуть отстраняется, смотрит с вызовом.

— Сейчас ты думаешь, что я не просто тупая сука, а хитрая и умная сука. Твои шаблоны обо мне разорваны, а именно так всё и начинается. Сейчас ты уедешь и станешь думать

обо мне ещё больше.

Хмыкаю. Всё же в яблочко. Всё, что она говорит, правда. Я как марионетка на ниточках кукловода. Отталкиваюсь от капота, подхожу к ней вплотную. Её запах снова ударяет в нос.

— Сама влюбиться не боишься? — шепчу ей в ухо.

— О, нет! — смеётся она, но в смехе звучит какая-то горечь. — Меня предсказуемые мальчики не будоражат. Ты не разорвал мои шаблоны, ничего нового о тебе я сегодня не узнала. Ты меня не удивил, — пожимает плечами.

Разворачивается и уходит, цокая каблуками по асфальту. Золотые босоножки блестят в свете неоновой вывески.

Я остаюсь стоять, глядя ей вслед.

Не удивил... Ладно.

Глава 7

Кира

Тимур — высокий, спортивный, плечистый. Бесспорно, симпатичный мальчик с обворожительной улыбкой. Я обратила на него внимание сразу, как только увидела у Давида на вечеринке. Потом были гонки, спор. Мне его тачка триста лет не нужна. Но поиграть с ним очень интересно. В его взгляде есть что-то упрямое, цепкое. Он не из тех, кто легко сдаётся. И это заводит. Мой план созрел быстро. Квест. Цепочка подсказок, намёков, провокаций. Я знала, что его «бомбанёт». Злила его нарочно.

Задумка была в том, чтобы раскачать его на эмоции. Я была уверена: он разозлится, но потом захочет переиграть меня. Начнёт влюблять в себя по всем правилам мужской тактики. А я буду сидеть и наблюдать за его потугами. Интересно же! Представляла, как он станет искать поводы для встреч, пытаться впечатлить.

Но два дня от него — тишина.

Странно. Совсем не так, как я ожидала. Ни звонка, ни общения.

Может, я перегнула?

Сегодня с утра льёт дождь без остановки, монотонный стук капель по стеклу давит на нервы. Настроение меланхоличное — наверное, даёт о себе знать приближающаяся

осень. Катя уехала с родителями в отпуск. Мои укатили вчера в Пекин: отец по работе, мама за компанию. Днём съездила в тренажёрный зал, но даже нагрузка не помогла сбросить это странное ощущение пустоты. Под вечер стало совсем скучно.

Может, Тимура ещё немного «подергать за усы»? Придумать для него новую игру... Было ведь весело. Включаю электронный камин, ложусь в гостиной на диван, беру книгу. Пытаюсь сосредоточиться на строчках.

Звонок в дверь. Кто это, интересно? Надеюсь, не Ильюша — отбиваться от него уже сил нет.

Открываю.

— Тимур? — улыбаюсь, чувствуя приятную неожиданность. Или, может, ожидаемость? Ведь где-то внутри я всё же ждала его шага. Приехал меня влюблять?

Красивый такой. Волосы мокрые от дождя капли стекают по лицу. Тело плотно облегает черная футболка в руках пакеты.

— Привет. Впустишь? — улыбается.

Отхожу от двери, пропускаю его.

— Чем занимаешься? — спрашивает Тимур, оглядываясь.

— Книгу читала, — пожимаю плечами.

— Оу. Ты даже книжки читаешь?

Какой же улыбчивый милашка.

— Да, и буквы знаю.

— Да ты крутая, — смеётся он.

Киваю на его пакеты:

— Чем будешь меня удивлять?

— Вино, роллы, хорошая компания, — подмигивает Тимур.

Банальненько, конечно. Но если в совокупности с его компанией — очень даже неплохо. Всё равно заняться нечем.

— Где у тебя кухня? — спрашивает он.

— Пошли, — веду его через коридор.

Заходим на кухню. Я достаю тарелки, раскладываю роллы.

— Дашь штопор? — просит Тимур.

Вручаю ему штопор и бокалы. Он занимается вином, я сервирую стол в зале, возле дивана. Включаю телевизор — идёт какой-то старый фильм, чёрно-белый, атмосферный.

— Прямо романтика, — замечает Тимур, разливая вино.

— Вино, кино, камин, дождь за окном...

— И не говори, — улыбаюсь, усаживаясь на диван.

Он протягивает бокал мне. Беру, чокаемся.

— За перемирие, — говорит Тимур.

— И прекрасный вечер, — подмигиваю я.

Улыбаюсь, беру палочками ролл, закидываю в рот.

— А чего вдруг ты решил объявить перемирие? — спрашиваю, глядя ему в глаза.

Он отводит взгляд, задумчиво крутит бокал в руках.

— Я просто кое-что узнал... что заставило изменить моё мнение о тебе, — говорит тихо.

Удивляюсь:

— И что же? — в голове сразу мысль: наверняка Малика что-то ему рассказала.

— Про то, с чего начались все ваши ставки, — отвечает он.

Выпиваю вино залпом. Чувствую себя сейчас оголённым проводом. Это очень болезненная тема для меня. Моя первая любовь — та, что сломала меня и сделала той, кем я являюсь сейчас: безжалостной, продуманной, хитрой. С тех пор я больше ни одного парня не пускала себе в душу. Только игры, только веселье, ничего серьёзного.

Тимур наливает мне в бокал ещё вина.

— Я поняла, о чём ты. Но не хочу развивать эту тему, — произношу чуть дрогнувшим голосом.

— Ясно. Не будем, — кивает он. — Я просто понял, что ты не такая уж и плохая. Может, получится подружиться, несмотря на весь этот глупый спор?

— Ой, это прям комплименты уже подъехали? — пытаюсь перевести всё в шутку, пряча за иронией внезапную уязвимость.

— Не такая уж плохая — для тебя комплимент? — смеётся он.

— Зато небанально, — улыбаюсь в ответ.

Чувствую лёгкость в теле — вино начинает действовать. Глаза слипаются. Скорее всего, из-за дождливой погоды клонит в сон.

— Расскажи о себе, — зеваю, прикрывая рот рукой. — Как ты оказался в нашем городе? На вечеринке у Давида ты сказал, что недавно здесь, но приехал навсегда.

— Узнал, что у меня есть родной брат и приехал сюда, — отвечает Тимур.

— Ты не знал? Как это так — не знал, что есть брат? — удивляюсь.

— Прикинь. Спустия девятнадцать лет только узнал, — на его лице мелькает боль, грусть.

Тимур начинает рассказывать про свою маму, родного отца, Ваню, отчима. Его голос звучит тихо, ровно, завораживающе. Глаза закрываются. И мне так хорошо сейчас. Спокойно, тепло...

Я что, уснула?

Открываю глаза. Всё плывёт — пытаюсь сфокусировать зрение, но не получается. В глаза будто песок насыпали. Пытаюсь встать с дивана — голова раскалывается, будто мешком тяжёлым по голове получила.

Так, стоп. Пытаюсь выстроить в голове события вечера: пришёл Тимур, мы пили вино... Но не так уж много я и выпила. Стоп. А где сам Тимур? Ушёл, наверное? Он рассказывал про свою семью, а я уснула — некрасиво. Наверное, обиделся...

Держусь за голову. Надо пойти умыться холодной водой и попить — от сухости во рту язык прилип к нёбу. Перевожу взгляд на стол — он почему-то перевернут. Недоеденные

роллы разбросаны по полу, бокал разбит вдребезги, осколки блестят в свете камина. Что произошло? Тимур что ли взбесился, когда я уснула?

Опускаю ноги на пол.

— А-а-а! Боже, мамочки, А-а-а! — кричу во всё горло. Руки все в крови. Липкой, тёплой, густой. — А-а-а! Снова кричу, звук отдаётся в черепе раскатами грома.

Спрыгиваю с дивана и чуть не падаю — ноги не держат, голова будто в скафандре. Что со мной? Дышать перестаю. Взгляд цепляется за что-то блестящее возле дивана.

Это нож.

— Блять, блять, дерьмо! Какого чёрта?! — голос срывается на хрип.

Кровь. Везде кровь. На диване, на полу, на стенах — тёмные брызги, будто кто-то швырнул горсть красной краски. Меня трясёт, зубы стучат, дыхание прерывистое. Следы ведут на кухню.

Иду трясущимися ногами, цепляюсь за стену. В ушах гул, в висках пульсирует. Каждый шаг отдаётся болью.

Захожу на кухню.

Тимур лежит на полу. Весь в крови. Глаза закрыты, футболка разорвана, на груди — несколько ран. Кровь растеклась лужей вокруг него, пропитала джинсы, собралась тёмными лужицами у головы.

— Тимур... — шепчу, и голос дрожит так, что я сама себя не узнаю. — Тимур, очнись!

Подбегаю, падаю на колени рядом с ним. Трясу за плечи — без реакции. Касаюсь шеи — ищу пульс.

Паника накрывает с головой. В горле ком, перед глазами темнеет.

Что здесь произошло? Кто это сделал? И... почему я ничего не помню?

Взгляд падает на окно. Оно приоткрыто. Лёгкий сквозняк шевелит занавеску. На подоконнике — след ботинка. Свежий. Будто кто-то только что вышел.

В кармане вибрирует телефон. Отшатываюсь, сердце замирает. Медленно достаю. На экране — новое сообщение.

«Ты следующая. Игра только начинается».

Руки дрожат так сильно, что телефон едва не падает. Оглядываюсь. Всё вокруг кажется чужим, враждебным. Каждая тень — потенциальный убийца.

Кто-то был здесь? Кто-то оставил этот след на подоконнике. Кто-то написал это сообщение.

Поднимаюсь на ноги. Надо бежать. Но куда? Кому можно доверять? И главное — кто убил Тимура?

Взгляд снова падает на его лицо. Спокойное, почти безмятежное. Будто он просто спит. Но кровь, слишком много крови...

Почему не слышала криков? Почему не проснулась от шума?

Вопросы множатся, но ответов нет. Только страх. И понимание: теперь я — главная фигура в этой игре. И ставка — моя жизнь.

Глава 8

Кира

В дверь раздаётся звонок. Стою, не двигаясь. Стук — настойчивый, требовательный.

— Откройте, полиция!

О боже... Бегу к двери, дрожащими руками вожусь с замками. Открываю.

Двое полицейских в форме. Строгие лица, руки на ремнях, рядом рация потрескивает.

— Я... я... я уснула... а Тимур... я... мне пришла СМС... его кто-то... — голос срывается, слова путаются, ком в горле не даёт нормально говорить.

— Решетова Кира Геннадьевна? — спрашивает высокий парень с пронизывающим взглядом.

— Да-да, это я... Тимур... — слёзы текут по щекам, каплют на футболку.

— Нас вызвали соседи, — перебивает второй. — Они слышали крики из вашего дома. Женский и мужской. Женщина кричала: «Я тебя убью!»

— Что? Женщина? Какая женщина? — я мотаю головой, пытаюсь осознать сказанное. — Я была одна с Тимуром! Тут никого больше не было!

Полицейские переглядываются. Высокий делает шаг вперёд, мягко, но твёрдо отодвигает меня в сторону и заходит в

дом. Второй следует за ним.

— Волков, фиксируй убийство, — бросает он напарнику, доставая перчатки.

Я остаюсь в прихожей, прислонившись к стене. Ноги подкашиваются, но я заставляю себя стоять. Смотрю, как они проходят в гостиную, где всё вверх дном: перевёрнутый стол, осколки бокала, роллы на полу, нож возле дивана.

— Здесь следы борьбы, — отмечает Волков, фотографируя обстановку.

Они идут на кухню. Я не хочу идти за ними, но ноги сами несут. Вижу, как полицейский светит фонариком, фиксирует положение тела, делает снимки.

— Мужчина, лет 20-25, множественные ножевые ранения в область груди и живота, — диктует старший в рацию. — Предварительное время смерти — около часа назад. Рядом с телом — кухонный нож, предположительно орудие убийства. Следов взлома нет.

Волков оборачивается ко мне:

— Вы утверждаете, что были здесь вдвоём?

— Да, — шепчу. — Только мы. Мы разговаривали, пили вино... Я уснула, а когда проснулась...

— Вы пили одно и то же вино? — уточняет высокий.

— Д-да...

— Возьми бокалы на экспертизу, — бросает напарнику. — И проверь телефон жертвы. Переводит взгляд на меня:

— Кто знал, что он у вас?

— Не знаю, — шепчу. — Но кто-то хотел, чтобы это выглядело так, будто убила я.

Высокий задумчиво кивает:

— Мы проверим все версии. А пока, Кира Геннадьевна, вам лучше проехать с нами для дачи показаний. И постарайтесь вспомнить всё до мельчайших деталей. Любая мелочь может оказаться важной.

Мы едем в отделение. Сажу на заднем сиденье полицейской машины, закутанная в плед — кто-то накинул на плечи, чтобы я не замёрзла. Но холод идёт изнутри, изнутри меня трясёт так, что зубы стучат.

— Боже, Тимур... — рыдаю. — Такой молодой, хороший, улыбчивый... Как? Как так?

Закрываю лицо руками, плечи содрогаются от рыданий. Перед глазами — его лицо на кухне, кровь...

Полицейский на переднем сиденье оборачивается:

— Кира Геннадьевна, постарайтесь успокоиться. Нам нужно будет записать ваши показания. Постарайтесь вспомнить всё до мелочей.

Киваю, вытираю слёзы рукой. Дышу глубоко, пытаюсь взять себя в руки. Но внутри всё кричит: «Тимур! Тимур!»

В отделении нас встречает дежурный. Меня проводят в комнату для допросов — маленькое помещение с голыми стенами, столом и двумя стульями. На столе — диктофон, блокнот, ручка. В углу — камера видеонаблюдения, красный огонёк которой кажется мне сейчас каким-то зловещим гла-

ЗОМ.

Высокий полицейский представился капитаном Морозовым, он садится напротив. Второй, лейтенант Волков, остаётся у двери.

— Кира Геннадьевна, — начинает Морозов, включая диктофон. — Сейчас мы запишем ваши показания. Расскажите ещё раз: как прошёл вечер, что происходило до того, как вы обнаружили тело. И постарайтесь быть как можно точнее. Любая деталь может оказаться важной.

Делаю глубокий вдох, вытираю последние слёзы.

— Мы с Тимуром встретились у меня дома. Он пришёл неожиданно, принёс вино и роллы. Мы сидели в гостиной, разговаривали... Он рассказывал о своей семье — что недавно узнал о родном брате, Ване...

Морозов кивает, делает пометки в блокноте.

— Что было дальше?

— Я почувствовала сильную сонливость. Очень странную — я ведь выпила совсем немного вина. Но меня буквально клонило в сон. Я помню, что начала засыпать прямо на диване... А потом — провал. Просыпаюсь, всё плывёт перед глазами, голова раскалывается. Вижу перевернутый стол, разбросанные роллы, нож на полу... И иду на кухню. А там... — голос срывается, но я заставляю себя продолжить: — Там Тимур. На полу. Весь в крови.

Волков, стоящий у двери, подаёт голос:

— Вы упомянули сообщение. Покажите его.

Достаю телефон, нахожу то самое:

«Ты следующая. Игра только начинается».

Морозов внимательно изучает экран, хмурится.

— Когда пришло это сообщение?

— Сразу после того, как я нашла Тимура. Я была в шоке, не понимала, что происходит...

— Были ли у него враги? Конфликты? Долги?

Качаю головой:

— Не знаю. Он казался мне очень открытым, добрым. Но, честно, я не так много о нём знала... Мы ведь только начали узнавать друг друга.

Голос снова дрожит. Вспоминаю его улыбку, его тихий голос, когда он рассказывал о брате. И понимаю, что больше никогда этого не услышу.

— Он только что нашёл брата, — шепчу. — Только начал новую жизнь... Как кто-то мог это сделать?

Морозов смотрит на меня внимательно, потом выключает диктофон.

— На сегодня достаточно. Мы продолжим завтра. Пока мы проверим ваши слова, опросим соседей и возможных свидетелей. А вы постарайтесь отдохнуть.

— Вы отпускаете меня домой? — спрашиваю тихо. — Я туда не хочу. Не смогу... там... — голос срывается, слёзы снова подступают к глазам, катятся по щекам. — Там всё на-

поминает о том, что произошло. Я не смогу там находиться.

— Пока нет, — мягко отвечает Морозов. — Для вашей же безопасности. На ночь вы останетесь здесь, под охраной. Завтра продолжим.

Волков подходит, предлагает проводить меня в комнату для временного размещения. Иду за ним по коридору, а в голове крутится одно: «Кто? Кто это сделал? И почему я — следующая?»

Меня ведут по длинному коридору полицейского отделения. Лампы дневного света мерцают, отбрасывая резкие тени на выцветшие стены. В ушах — гул, будто кто-то включил трансформатор прямо у виска.

Лейтенант Волков останавливается у двери с табличкой «Комната временного размещения № 3», вставляет ключ, проворачивает.

— Располагайтесь, Кира Геннадьевна, — говорит он, распахивая дверь.

Захожу внутрь. Комната маленькая, почти аскетичная: узкий диван у стены, столик, стул, окно с решёткой. И на диване...

— Тимур?

Глава 9

Кира

— Тимур? — шепчу я, и всё вокруг начинает плыть.

Он сидит, слегка откинувшись на спинку, в той же футболке, что был, только без крови и дыр. Волосы чуть растрёпаны, на губах — полуулыбка. Живой. Дышит. Смотрит на меня.

В ушах нарастает шум, будто море накатывает на берег. Ноги подкашиваются. Я делаю шаг назад, но не успеваю удержаться — падаю.

Кто-то подхватывает меня на руки. Крепко, уверенно.

— Блять, кажется, перестарались, — раздаётся знакомый голос.

Открываю глаза. Тимур держит меня, прижимая к себе. Рядом — капитан Морозов, который уже не выглядит таким суровым, а скорее виноватым. Лейтенант Волков смущённо мнётся у двери.

— Что... что происходит? — хриплю я, пытаюсь осознать реальность.

Тимур осторожно усаживает меня на диван, гладит по волосам.

Я отстраняюсь, смотрю ему в глаза:

— Ты был весь в крови, лежал на кухне...

— Грим, — поясняет Морозов. — Профессиональный. И

кровь искусственная.

Я всё ещё не могу прийти в себя.

— Это была игра, — говорит Тимур. — Весело же было? Эмоции, разрыв шаблонов и всё такое...

Я встаю, отталкиваю его руку. Внутри закипает злость — горячая, обжигающая.

— То есть вы сговорились? Ты и они? — указываю на полицейских. — И разыграли спектакль? С ножом, с кровью, с сообщением. Вы что, совсем охренели?

— Мы не ожидали, что ты так отреагируешь, — оправдывается Морозов. — Думали, поймёшь, что это розыгрыш.

— Я рыдала над твоим «телом»! — срываюсь на крик. — Я думала, ты мёртв! Я чувствовала себя убийцей, которую вот-вот арестуют!

Тимур делает шаг ко мне.

— Прости, Кир. Я не хотел, чтобы было так жёстко.

В комнате повисает тяжёлое молчание. Слезы снова подступают к глазам.

Кладу ладонь Тимуру на щёку, осторожно глажу.

— Живой... Живой... — шепчу, и голос дрожит.

Отвожу руку и со всего маху бью его по лицу. Звук пощёчины гулко раздаётся в тишине.

— Сволочь, ненавижу! — выкрикиваю и выбегаю из кабинета.

За мной бросаются Тимур и Морозов. Волков что-то быстро говорит сотруднику на КПП, и меня сразу пропуска-

ют. Поворачиваюсь к Морозову:

— Я на вас заявление напишу за превышение полномочий!

Вылетаю на улицу. Вдыхаю свежий воздух после дождя, пытаюсь унять бурю внутри, но слёзы всё равно катятся по щекам.

Тимур догоняет меня, обхватывает сзади руками:

— Да стой ты! Всё! Угомонись.

— Ненавижу! Больной придурок! — пытаюсь вырваться, но он только крепче прижимает меня к себе.

— Всё, тш-ш-ш, успокойся. Поехали, я тебя домой отвезу.

— Поехали, — делаю вид, что успокоилась.

Тимур убирает руки. Разворачиваюсь и начинаю бить его — по плечам, груди, рукам, куда попадаю.

— Эй-эй, ты меня сейчас и правда убьёшь!

— Хорошо бы! — кричу я. — Козёл, засранец, гад, подонки! Актёр грёбанный погорелого театра!

Он перехватывает мои руки, держит крепко:

— Кира, послушай меня. Успокойся. Да, переиграли немного.

— Немного? — вырываюсь из его хватки. — Придурок долбанутый! Какой же ты придурок! Я таких ещё не встречала придурочных! Ты...

— Придурочный придурок долбанутый. Я понял уже, — кивает он. — Зато увидел тебя настоящую, без твоих масок.

— Настоящую? — голос дрожит, в глазах снова щиплет

от слёз. — Ты видел, как я рыдала? Как у меня сердце разрывалось? Мне же так больно было!

Морозов подходит ближе:

— Кира Геннадьевна, я приношу официальные извинения от лица полиции.

— Да иди ты на хрен, Морозов, вместе со своим Волковым и с этим... — указываю пальцем на Тимура.

— Придурочным придурком долбанутым, — добавляет Тимур с кривой усмешкой.

Ему еще и смешно! Снова быю его в грудь — уже слабее, силы начинают покидать меня.

— Кира Геннадьевна, если вам нужна психологическая помощь — мы обеспечим консультацию специалиста, — говорит Морозов.

— Придурочному этому психологическую помощь обеспечьте и себе заодно, — бросаю я.

Разворачиваюсь и иду по улице, обняв себя за плечи. До сих пор дрожу, зубы стучат. Слышу шаги сзади.

— Съебись, конченный, — не оборачиваясь, бросаю через плечо.

— Кир, давай домой отвезу. Чай тебе ромашковый сделаю, чтобы успокоилась, — звучит за спиной.

Останавливаюсь, резко разворачиваюсь:

— Чай? Чай ромашковый, чтобы я успокоилась? Да ты мне бассейн ромашковый должен сделать, придурочный!

— Придурочный придурок долбанутый.

— Ох и долбоёб! — разворачиваюсь, иду дальше.

— Такой красивой девочке маты не к лицу, — доносится сзади.

Снова торможу, разворачиваюсь:

— У меня нет слов, просто нет слов... Как твоя фамилия, Тимур?

— Сафонов. А что?

— Сафонов, я тебя ненавижу!

— Ты уже это говорила. И про конченого тоже, и про долбоёба. Я как бы не спорю. Но ты же хотела веселья и разрыва шаблонов. А так тебе хоть не скучно было.

Смотрю на него. Сука... Какой же красивый мудак. Глаза блестят, полуулыбочка эта его на лице. Хочется сначала поцеловать его, а потом убить, а потом снова поцеловать. Ненавижу!

— Дай сигарету.

— Кир Геннадьевна, не нужна тебе эта отравка. Может, всё-таки чайку с ромашкой?

— С говняшкой! Сигарету дал быстро!

— Эй, ты гопник начинающий, давай бери себя в руки. Не расклеивайся.

— САФОНОВ, мать твою, дай мне сигарету!!! — почти кричу.

Он бьёт по карманам:

— В машине. Пошли вернёмся. Дам.

Иду молча.

— Что было в вине? — спрашиваю, не поднимая глаз.

— Слабенькая доза снотворного, чтобы уснула ненадолго.

— Гад!

— Я в курсе.

Подходим к его машине. Он достаёт из бардачка пачку, выбивает сигарету себе и мне, подкуривает. Смотрю на него: как курит, как улыбается, щурится в свете ночных фонарей.

— Ну согласишься, раскачало же на эмоции? — бросает он.

— Мне было больно, Тимур, — тихо отвечаю я.

Он тушит сигарету о бордюр, поворачивается ко мне:

— Прости. Я просто хотел показать, что игры ни к чему хорошему не приводят. Остановись! Люди — не пешки, не марионетки. И больно бывает не только тебе. Какой-то урод разбил тебе сердце. Ты решила отомстить всему мужскому полу и делала больно всем подряд. Да так заигралась, что даже лучшей подруге подножку поставила. Которая, между прочим, до сих пор ни одного слова про тебя плохого не сказала. И скучает по тебе, по Кате, по вашей дружбе.

Выдыхаю дым, отвожу взгляд. В груди давит.

Я ведь тоже скучаю и не раз хотела прийти к ней извиниться — и перед Ваней тоже... Это правда был перебор. Но я не умею извиняться — не хочу показывать свои слабости, переживания. Боюсь показывать свою уязвимость.

— Я тоже скучаю, — шепчу.

— Поехали домой, отвезу, — мягко говорит Тимур, делая шаг ко мне.

— Ты долбанутый? Я туда не хочу возвращаться. Там твой труп был в крови.

— Там клининг должен был уже убрать все последствия моего «убийства», — улыбается.

— Больной придурок!

— Придурочный придурок долбанутый, — кивает он.

Я до сих пор в себя прийти не могу, а ему весело.

— Не хочу пока возвращаться домой.

— Могу остаться с тобой до утра. Просто чтобы ты не была одна.

— Ага. А утром снова найду твой труп на кухне?

Он вздыхает, проводит рукой по волосам. Открывает дверь машины, делает приглашающий жест.

— Садись. По дороге что-нибудь придумаем — без убийств и трупов. Обещаю.

Смотрю на него, качаю головой. Таких я точно ещё не встречала в своей жизни — ни по степени безрассудства, ни по умению одновременно бесить и вызывать странное, необъяснимое доверие.

Глава 10

Кира

Подскакиваю в панике с кровати. Мне это всё приснилось?

Бегу в гостиную — почти слетаю по ступенькам. В моём сне после того, как Тимур внезапно ожил, он привёз меня домой и остался ночевать на диване.

Нет. Не приснилось.

Спит. Закинув руку за голову, губы чуть приоткрыты, дыхание ровное. Всё тело расслаблено — ни тени напряжения, ни следа вчерашнего безумия.

Рассматриваю его внимательно. Красивый..

Вспоминаю его «убитого» — и снова мороз по коже. Я не знаю, сколько времени вчера я жила с мыслью, что больше его не увижу. Но это было безумно больно. И даже не от того, что кто-то ворвался в мой дом и лишил молодого парня жизни. А от того, что его больше не будет. И я больше никогда не увижу его милую полуулыбочку.

И вот он здесь. Живой. Дышит. Спит на моём диване. Как будто так и должно быть.

Это как проснуться посреди ночи от кошмара, а потом вспомнить — это был сон. Просто сон. И с улыбкой снова лечь, обняв подушку, чувствуя облегчение. Но это — во сто крат сильнее. Это не просто облегчение. Это — эйфория.

Чистая, острая.

Он жив. Я снова увижу его глаза, когда он проснётся. Услышу его голос. Увижу, как он усмехнётся.

Он перевернул что-то во мне вчера. Не знаю как. Не знаю зачем. Но что-то внутри щёлкнуло — будто дверь, которую я годами держала запертой, вдруг приоткрылась.

Тимур начинает ворочаться. Сегодня утром солнце особенно яркое, как бывает после дождя, — оно бьёт прямо в окно, и луч попадает ему в лицо. Он морщится, тянется рукой, чтобы закрыть глаза.

Я быстро ретируюсь на кухню, чтобы он не застал меня за тем, как я стояла и пялилась на него, пока он спал.

Включаю кофемашину — она громко жужжит, перемалывает зёрна, шипит, выпуская ароматный пар. Достāju булочки, сыр, листья салата, замороженные котлеты. Решаю — сделаю нам гамбургеры.

— Ммм, какие запахи! — Тимур появляется на кухне. Трёт заспанные глаза, волосы растрёпаны, футболка сбита на плечо. Такой милый заспанный зайка.

— Доброе утро!

— И тебе, — отвечает он, опираясь на столешницу рядом со мной. Смотрит внимательно, будто сканирует моё настроение.

— Ты как?

— Очень даже неплохо, — улыбаюсь, и это не ложь. — Рада, что ты жив.

— Что, даже не злишься на меня?

— Злюсь, конечно, — пожимаю плечами. — Но что с тобой делать теперь? Не убивать же.

— Ну да, — хмыкает он. — Во второй раз будет уже неинтересно.

— Кстати, кто тебе помогал? Ты же не один это всё про-вернул?

— Это секретная информация.

— Просто не понимаю, — задумчиво качаю головой, — какой нормальный человек мог в этом участвовать?

— А Ян по жизни — долбанутый массовик-затейник. Долго уговаривать не пришлось.

— А-а-а, значит, Мазур Ян? Ну да, про нормального человека это я погорячилась. Он над сестрой своей сводной всю жизнь издевался — опыта в дурацких приколах выше крыши.

Тимур кривится, понимая, что проговорился.

— Давай, может, помогу чем-нибудь?

— Разрежь булочки. Вот, держи доску и нож.

Тимур берётся за дело — аккуратно, с лёгкой улыбкой. Снова рассматриваю его. У него такие красивые руки — мужские, видно, что со спортом он на «ты». Предплечья увиты венами, которые напрягаются, пока он работает ножом.

Я насчитала на нём пять татуировок. Все они выполнены в чёрно-серой гамме и выглядят очень гармонично, подчёркивая рельеф его рук.

Обычно парни набивают что-то brutальное, мужское, но это не про Тимура. На правом плече — изящная роза, будто только что распутившаяся. На левом плече — тоже крупный цветок. А на обоих предплечьях внизу — мелкие лепестки, дополняющие цветы выше. Ближе к локтю на левой руке — ещё один цветочный узор. Интересно, что они все значат?

— А где твои родители? — спрашивает, не отрываясь от дела.

— В Пекин уехали.

— Круто. Чего с ними не поехала?

— Не захотела, — пожимаю плечами.

— Ясно.

Кладу перед ним соусы. Пусть ещё поделает что-то своими красивыми руками, а я позалипаю на них.

— Любишь цветы? — спрашиваю я.

Он поднимает голову, смотрит вопросительно:

— У тебя котлеты, кажется, горят.

— Ой! — подскакиваю к плите, снимаю сковородку.

Складываю котлеты на тарелку.

— Давай их сюда, и салат с сыром — я доделаю гамбургеры, — говорит Тимур.

Перекладываю всё, что нужно, на стол возле него.

— Так почему цветы? — возвращаюсь к вопросу.

Он отрывается от складывания гамбургеров, улыбается:

— А надо было черепа и кресты?

— Ясно, не хочешь рассказывать.

— Да нет никакого особого смысла, — говорит тихо.

— Врешь, — качаю головой. — Ты не похож на человека, который будет что-то делать без смысла. И ладно был бы один цветок, но их пять.

Он смеётся, закидывает руку за спину и одним движением снимает с себя футболку.

«Вау, какой!..» — замираю на полувдохе, сглатываю слюну, замороженная его видом. Что я там говорила про милого заспанного зайку? Забудьте про зайку — он сексуальный тигр!

— Семь, — говорит с улыбкой, наблюдая за моей реакцией.

— А? — я, наверное, выгляжу сейчас как полная дурочка с открытым ртом. Обычно меня не так просто удивить и смутить, но сейчас все защитные механизмы будто отключились.

Тимур разворачивается ко мне спиной. Да Господи, что ты со мной творишь, мужчина... Нельзя таким быть. Широкие плечи плавно переходят в рельефную спину. Прокачанные трапеция и поясничная мышца. Я сама хожу в тренажёрку и знаю, сколько труда и времени вложено в такое тело — каждая линия, каждый мускул очерчены чётко, без лишней массы, но с явной силой.

Только сейчас до меня доходит, зачем он снял футболку: у него сзади на лопатке — ещё роза, а ниже — цветочный

узор, похожий на тот, что на локте левой руки.

— И ты хочешь сказать, что это всё не имеет смысла? — хмыкаю я.

— Ладно, да. Я люблю цветы. В родном городе, дома, у меня целый розарий. Довольна? Ты узнала мою самую страшную тайну — теперь придётся тебя убрать.

— То есть кроме меня большеникого не заинтересовало наличие цветов на твоём теле? Или ты всех убираешь после такого открытия?

— Ну, может, не все изучали моё тело с такой тщательностью, как ты, — подмигивает он.

И, кстати, да — до сегодняшнего дня я никогда не краснела. Это что, новый навык? Или просто Тимур обладает какой-то сверхъестественной способностью выбивать меня из колеи? Но, кажется, мои щёки пылают сейчас как костёр.

— Ну что, гамбургеры готовы? — быстро перевожу тему, отведя от него взгляд. — Пойдём на террасу?

— Пошли, — кивает.

Берёт две кружки с кофе, я — тарелку с гамбургерами. Садимся за деревянный стол под солнышко — так классно греет.

Тимур смотрит на кофе, поднимает кружку, принохливается.

— Я надеюсь, там снотворного нет? — хмыкает. — А то ты подозрительно спокойная сегодня.

— Нет, — смеюсь. — В ближайшее время я точно не хочу

больше играть в игры.

— На это и была ставка, — говорит он, делая глоток.

Едим гамбургеры, изредка перебрасываясь короткими фразами — ни о чём, просто чтобы заполнить паузы. Я ловлю себя на мысли, что мне комфортно вот так сидеть напротив Тимура: без напряжения, без необходимости что-то доказывать, просто быть. Он откусывает последний кусок, медленно прожёвывает, запивает глотком кофе.

— Спасибо за завтрак, — ставит кружку. — Мне пора.

— Уже? — спрашиваю я, и голос звучит чуть громче, чем хотела.

В груди — укол. Острый, неожиданный. Я не хочу, чтобы он уходил. Не хочу, чтобы этот момент заканчивался.

— Да, — улыбается он. — Мои, наверное, уже переживают, где я пропал.

— Ясно, — отвожу глаза, смотрю на деревья за забором.

— Что? — замечает он моё замешательство.

— Ничего.

— Ты как будто расстроилась, что я собрался уходить.

Та я, которая была до вчерашней ночи, сейчас бы рассмеялась ему в лицо и сказала бы, что он слишком самоуверен. Но я — сегодняшняя — хочу быть искренней. Особенно с ним.

Странно, но после вчерашнего я должна злиться на него — по идее. А я, наоборот, чувствую какую-то невероятную душевную близость с ним. Как будто знаю его сто лет, а не

несколько недель. Он неожиданно стал для меня своим человеком. Как такое может быть за такой короткий срок?

— Немного, — признаюсь тихо, опуская взгляд.

Он смотрит на меня с пониманием, чуть склонив голову.

— Хочешь, приду сегодня к тебе?

Ох. Хочу. Конечно, хочу!

— С вином и роллами?

— Да нет, — качает головой. — Это уже пройденный этап.

Или... если хочешь, можем съездить в одно интересное место.

— Морг? Кладбище? — приподнимаю бровь.

— Это программа на следующий раз, — смеётся он. —

На сегодня — другая идея.

— Это... типа свидание? — слова вырываются сами, и я тут же жалею о сказанном.

Он смотрит на меня, наклонив голову набок.

— Скорее, просто дружеская встреча.

Дружеская?

Улыбка замирает на лице. Ещё один укол — не острый, но ощутимый. Но я стараюсь не подать виду. Не показать, что это задело.

— Тогда отлично. Дружеская встреча — это то, что мне подходит.

— Супер, — улыбается он. — Наберу тогда.

Встаёт, я иду за ним, провожая до ворот.

— До вечера, — говорит он и делает шаг к машине.

— Да, до вечера, — отвечаю я, кивая.

Он садится за руль, заводит двигатель. Машина медленно отъезжает, поворачивает за угол. Двигатель затихает. Тишина.

Стою, глядя вслед, пока силуэт автомобиля совсем не растворяется вдали.

Что со мной?

Сама себя не узнаю.

Он только уехал — а я уже жду вечера...

Визуалы

Тимур

Kupa

Глава 11

Тимур

Кира сидит рядом на пассажирском сиденье и с улыбкой смотрит по сторонам. Она сегодня невероятно улыбочивая. Значит, сработала моя встряска. Да, я не спору — это было жёстко. Она так кричала и плакала над моим «телом», что несколько раз порывался встать, обнять, успокоить. Но довёл постановку до конца.

Выхватил, конечно, от неё пиздючек по полной, но я особо и не сопротивлялся — заслужил же. Если честно, думал, что она вообще перестанет со мной общаться после такого. Но она снова удивила: даже завтрак с утра приготовила и не хотела, чтобы я сегодня уезжал от неё. Мне приятно. Правда.

— Может, раскроешь уже тайну, куда мы всё-таки едем? А то немного страшновато, знаешь ли, после вчерашнего, — спрашивает Кира, поворачиваясь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.